

*Цифровизация не проклятие, а возможность
открыть в себе новые таланты.*

Преподаватель Школы бизнеса ВШЭ Яна

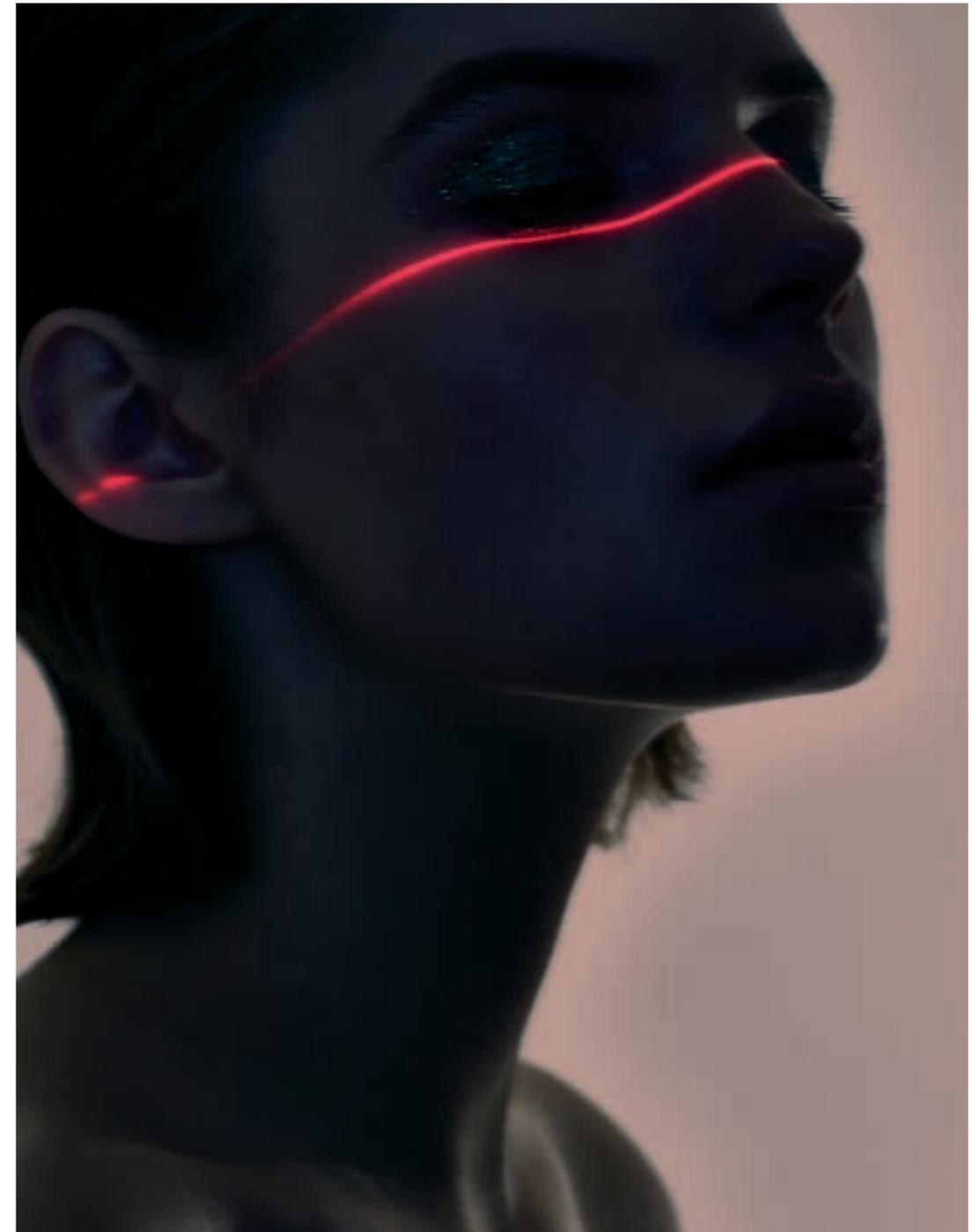
Осман объясняет, каких качеств будет ждать

от нас дивный новый мир, в котором половину

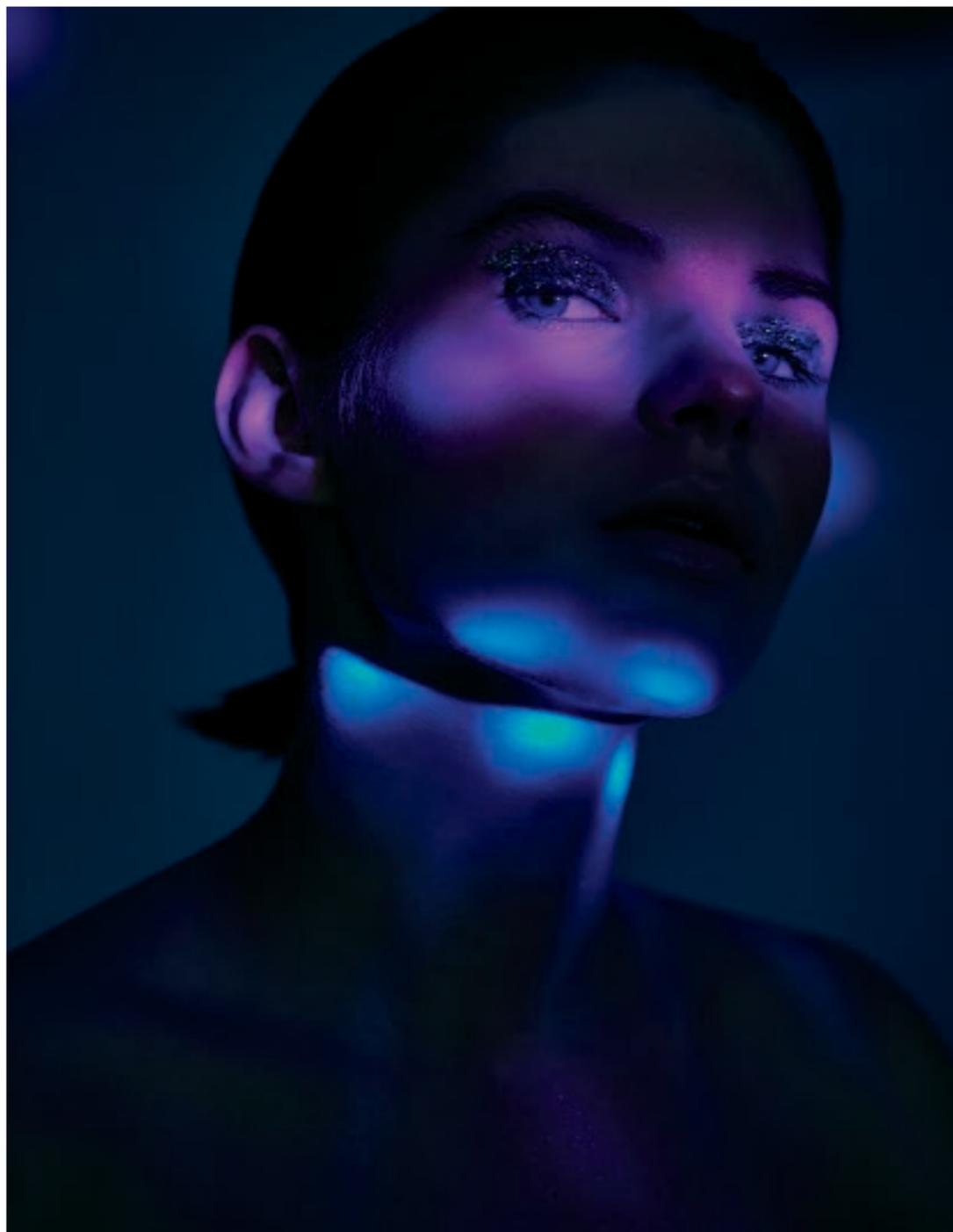
рабочих мест займут роботы.

ДА У ВАС ТАЛАНТ!

Аукционный дом Christie's продает «Портрет Эдмона де Белами», написанный искусственным интеллектом. Суперкомпьютер решает диофантово уравнение, с которым математики не могут справиться 65 лет. Машина побеждает чемпионов мира на турнире по покеру с призовым фондом 500 тысяч долларов. Робот Раго снимает стресс у людей с болезнью Альцгеймера – он выглядит как тюлень, отзывается на имя и реагирует на ласку. Все эти вещи происходят не в кино, а в реальности – здесь и прямо сейчас. Согласно прогнозу McKinsey, к 2030 году искусственный интеллект принесет мировой экономике почти 13 триллионов долларов, а 50% рабочих мест в мире будет автоматизировано. Уже можно начинать бояться? Цифры и правда выглядят пугающе. Только в США беспилотные автомобили могут оставить не у дел 5 миллионов водителей. В России, по данным исследования РАНХиГС, через десять лет неактуальными станут компетенции 45% людей. Но в действительности все не так однозначно. Да, рутинная работа постепенно становится прерогативой роботов. Чем однообразнее действия, характерные для той или иной профессии, тем проще эти действия автоматизировать. Но ведь рутинность не только ключевое преимущество, но и ключевое ограничение машин. С непривычными ситуациями искусственный интеллект справляется плохо, тогда как мы, в отличие от роботов, умеем решать задачи, требующие соединения разрозненных идей. Так, работавший над созданием радара Перси Спенсер однажды заметил, что во время тестирования магнетрона шоколад в его кармане растаял, – и создал микроволновую печь. А художник Эдуард Бенедиктус, уронив на пол нитрат целлюлозы, обратил внимание, что стеклянный пузырек с раствором треснул, но не разлетелся – и появились первые небьющиеся лобовые стекла. Основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб говорит, что «именно человек, способный создавать новое, а не капитал или природные ресурсы, станет движущей силой четвертой промышленной революции». Это заявление так же легко подкрепить цифрами, как и торжество искусственного интеллекта. В 2018 году на инновации в мире потрачено почти 2 триллиона долларов, подсчитал Институт статистики ЮНЕСКО. Объем креативного сектора мирового рынка с 2002-го по 2015-й вырос больше чем в два раза, говорится в отчете ООН за 2019 год. На смену капитализму, уверен Шваб, приходит «эра талантизма». Остается лишь выяснить, что стоит за этим определением, как жить в эпоху перемен, связанных с цифровизацией, и каких качеств будет ждать от нас дивный новый мир уже завтра. Первый вызов в эру талантизма – не попасть в ловушку самого определения. Талант как синоним дарования и природных способностей? Не только. Предрасположенность к чему-то, пусть даже выдающаяся, очевидно, не может быть движущей силой мировой экономики. Исследователи из Национального института ядерной физики в Италии создали компьютерную модель общества. Она насчитывала >

Fernando Gomez / Trunk Archive

Fernando Gomez / Trunk Archive

тысячу человек, наделенных равным талантом, но в разной степени обладающих силой воли, целеустремленностью и предприимчивостью. Задачей виртуальных человечков было построить капитал – в ходе моделирования компьютер произвольно выбирал для каждого персонажа жизненные испытания. Спустя сорок условных лет – столько в среднем длится период профессиональной активности – положение дел в компьютерной реальности выглядело так: основная часть капитала сосредоточилась в руках небольшой группы, остальные же ничего не сделали. Почему? Значим не сам талант, а совокупность качеств, определяющих, как мы живем и действуем. Назовем эту совокупность метахарактером. Если талант – всегда легко, то метахарактер – всегда выбор. В природе есть такое понятие – мимикрия формы – случаи, когда животные приобретают необыкновенное внешнее сходство с отдельными предметами, среди которых живут. Тропические палочники из семейства phasmidae научились одновременно подражать и сухим веткам, и зеленым листьям. Мимикрию формы можем освоить и мы. Если мы хотим жить в мире перемен, нам самим нужно научиться меняться, быть подвижными. Современная психотерапия доказывает, что базовые черты характера, которые раньше считались константой – например, оптимизм, – на деле вполне пластичны. К примеру, основоположник позитивной психологии Мартин Селигман изобрел авторский способ развития оптимизма – работу с убеждениями. Селигман считает, что основу оптимизма составляют не победные образы и пресловутые призывы улыбаться как в «Джокере», а то, как человек объясняет причины происходящего. Если мы ругаем себя за лень, мы всю свою жизнь будем уверены не только в том, что ленивы, но и в том, что наши неудачи обусловлены неисправимыми факторами. Если же признаемся, что просто недостаточно сегодня выложились, восприятие в корне меняется. Разница между первой и второй трактовками – это и есть та самая подвижность. Можно назвать ее life plasticity – по аналогии с neuroplasticity, свойством человеческого мозга, заключающемся в возможности изменяться под действием опыта. И этот навык может стать ключевым капиталом в эпоху талантизма.

Если мы хотим жить в мире глобальных перемен, нам и самим нужно научиться меняться, быть подвижными. Современная психотерапия доказывает, что базовые черты характера, которые раньше считались константой – например, оптимизм, – на деле вполне подвижны, пластичны.

Можно ли развить life plasticity, или «жизнепластичность»? Посмотрим на самую пластичную с точки зрения сознания вещь в мире – на творчество. Мы привыкли считать, что творчество – отдельная область деятельности, но что если перестроить нашу жизнь по типу творческого процесса? Американский исследователь в области теории личности Гарднер Линдсей выделил четыре свойства мышления, препятствующие творчеству. По сути это факторы, которые сдерживают life plasticity: конформизм, внешняя и внутренняя цензура, ригидность и желание найти ответ немедленно. Все они про неготовность к построению новой картины мира, которая противоречит картине старой. На эту тему есть забавный эксперимент. С группой людей провели тест, который якобы проверял наличие ферментной недостаточности, способной привести к расстройству поджелудочной железы. Участники собирали слюну в емкость, а потом опускали туда лакмусовую полоску. Одним было сказано, что наличие ферментной недостаточности обнаружит себя, если бумажка не поменяет цвет, а другим – если поменяет. Полоски же не меняли цвет ни в одном случае. Как реагировали люди? Не желавшие изменения цвета держали бумажку в стакане 75 секунд, те, кто хотел, чтобы цвет поменялся, – больше 100 секунд, а также выполняли дополнительные действия: прикладывали полоски к языку, окунали в стакан больше десяти раз, встряхивали, вытирали, обдували, рассматривали. Все эти люди были не готовы принять действительность, которая расходилась с их ожидаемой картиной мира. Есть и обратный пример. Авиатехник Дестин Сэндлин из Алабамы, автор ютьюб-канала Smarter Every Day с почти 8 миллионами подписчиков, запрограммировал велосипед поворачивать налево, когда руль поворачивает направо, и наоборот. Через восемь месяцев мужчина освоил «велосипед наизнанку». За то же время Сэндлин смог научиться ездить на обычном велосипеде. Этот эксперимент – яркая иллюстрация возможностей человеческой адаптивности. Постоянно учиться, разучиваться и переучиваться – значит, увеличивать количество нейронов в оркестре нашего мозга, гиппокампе, отвечающем за умение ассоциировать и соединять факты. Еще один важный навык, который поможет развить подвижность, – это принятие решений. Установлено, что человек принимает около 35 тысяч решений в день. Только относительно еды, как подсчитали в Корнеллском университете, их 227. Но на самом деле это иллюзия. В целом мы привыкли жить в статус-кво: нам хочется, чтобы вещи дольше оставались такими, какие они есть. Известное дает нам чувство комфорта, безопасности, контроля. В сценарном мастерстве есть важное правило: герой должен действовать, тогда он становится многогранным. Если он просто реагирует на обстоятельства или действия других персонажей, то в 90% случаев фильм получается скучным – об этом говорят все гуру профессии, от Линды Сегер до Сиды Филда. В реальности почти как в кино. В эпоху талантизма нам предстоит превратиться в полноценных авторов собственной жизни. Пока мы учим роботов быть людьми, людьми пытаемся стать и мы сами. □